

The background illustration depicts a city street scene in autumn. In the foreground, a young boy with light brown hair is running towards the viewer. He is wearing a blue jacket over a dark shirt, green trousers, and a dark cap with a brown scarf. He holds a folded newspaper in his left hand. In the background, there is a green and gold kiosk with a domed roof. Two men in white uniforms with bow ties are working inside the kiosk. A man in a dark suit and a woman in a brown coat and hat are standing near the kiosk. The ground is covered with fallen yellow leaves, and a tree with some yellow leaves is on the left. The sky is a pale blue.

Льюк Оливерас

МЯЯК НА УЛИЦЕ РАМБЛА

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ,
НЕПОДВЛАСТНАЯ ВРЕМЕНИ

18+

Все счастливые семьи (Азбука)

Льюк Оливерас

Маяк на улице Рамбла

«Азбука»

2025

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Оливерас Л.

Маяк на улице Рамбла / Л. Оливерас — «Азбука», 2025 — (Все счастливые семьи (Азбука))

ISBN 978-5-389-34635-2

«Маяк на улице Рамбла» – дань уважения красавице Барселоне, ее жителям и, конечно же, культовой оживленной улице Рамбла, неповторимым шармом которой нельзя не восхищаться. Барселона, начало XX века. Когда девятилетний Льюис Рос впервые видит знаменитый киоск «Каналетас» на улице Рамбла, он поражен его красотой и атмосферой и решает во что бы то ни стало связать свою жизнь с этим местом. Но он даже не мог себе представить, как это наивное детское решение повлияет не только на его судьбу, но и на судьбы всех членов семьи Рос. Годы спустя в том же киоске с напитками Льюис встретит прекрасную Лауру, в которую влюбится с первого взгляда. Однако социальные предрассудки не позволяют Льюису и Лауре быть вместе, и им нужно многое преодолеть, а главное, доказать, что их любовь сильнее испытаний, выпавших на их долю. А тем временем на дворе бушует богатый на события XX век, но киоск на улице Рамбла, словно маяк, освещает путь каждой заблудшей душе, приглашая вернуться домой.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-389-34635-2

© Оливерас Л., 2025
© Азбука, 2025

Содержание

От автора	6
Первая часть	7
1	7
2	13
3	18
4	25
5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Льюк Оливерас

Маяк на улице Рамбла

Каждому из нас нужен тот, кто озарит наш путь, укажет дорогу к берегу и объяснит, что есть на свете место, подобное маяку на бульваре Каналетас, где мы сможем обрести себя и всегда будем счастливы.

Автор

Чем бы ты ни занимался, люби это дело так же, как ты любил когда-то в детстве будку киномеханика в «Парадизо»...

Фильм «Новый кинотеатр “Парадизо”»

Я вдруг осознал, что стал свидетелем того, что вскоре исчезнет, я будто предчувствовал: через пять лет такие фотографии будет невозможно сделать.

Франсеск Катала-Рока¹

Lluc Oliveras

EL FAR DE LES RAMBLES

© 2025, Lluc Oliveras

Права на перевод предоставлены при посредничестве литературного агентства Sandra Bruna Agència Literaria, SL Все права защищены

© Шарафеева А., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

От автора

Этот роман посвящается всем тем, кто прожил жизнь, так и не получив признания. Тем, кто жил в той самой Барселоне, что ныне принимает нас, и на долю кого так и не выпал миг «славы». Душам, оставшимся на бесчисленных фотографиях, которые даже и помыслить не могли, что жители нового века будут вглядываться в их лица на выцветших черно-белых снимках и задавать тысячи вопросов. Кем они были? Чего хотели от жизни? Какие препятствия им пришлось преодолеть? Обрели ли они счастье?

Пожалуй, можно сказать, что все эти предки, сформировавшие облик современной Барселоны, послужили вдохновением для персонажей «Маяка на улице Рамбла». Бульвары, лавки, повседневная жизнь с ее буднями и мечтами... Весь этот сплав человеческих судеб вдохнул в мой роман ту достоверность, которой я не смог бы добиться, ограничившись чистым вымыслом. Все получилось благодаря таким людям, как мои бабушка с дедушкой, научившим меня человечности и любви к этому городу.

Всем тем, кто когда-то здесь проживал и у кого время отняло имена и фамилии, воспоминания, образ и наследие, я хочу выразить благодарность. За то, что на многие месяцы поселились в моих мыслях и помогли создать это полифоническое произведение, это выдуманное сообщество, в котором люди, ценности и прошлое вновь обретают часть былой важности.

Спасибо им за то, что они присоединились к вселенной маяка Каналетас и даровали ему ту значимость, которую он заслуживает. Эта история посвящена памяти всех тех, кому так и не удалось оставить наследие, кто так и не получил второго шанса, кого жизнь не пощадила, не подарив ни мгновения радости. Всем жителям Барселоны минувших дней – спасибо.

Первая часть 1908–1914

1

Барселона, конец 1908 года

С окончанием последних лет XIX века и наступлением двадцатого в жизни барселонцев ничего не изменилось. На том же бульваре Рамбла можно было стать свидетелем таких удивительных технологических новшеств, как автомобиль, хотя для многих жителей он олицетворял прямую угрозу традициям, которые до сих пор управляли их жизнью. Не все были готовы принять новое, более комфортное и быстро развивающееся общество, требовавшее приспособиться к иному положению вещей.

Барселона подпитывалась постоянными изменениями в градостроительной сфере. Строительство района Эшампле, постепенное присоединение окрестных поселений и расцвет новых отраслей промышленности способствовали превращению столицы Каталонии в оживленный и космополитичный город, окрашенный в разные полутона. Всего за считанные часы белое здесь превращалось в черное, раскрывая бесконечную палитру серого. Численность рабочего класса неуклонно росла из-за тех, кто эмигрировал в метрополию в поисках возможностей. В то же время наделенная властью и занимавшаяся предпринимательством буржуазия боролась не на жизнь, а на смерть, чтобы сохранить привилегии, с которыми она вступила в новое столетие. Столкновение было неизбежным, а реакция обеих сторон друг на друга – спорной. Иными словами, борьба за права с каждым днем все больше выходила из-под контроля.

Каталонский национализм, стремившийся к возрождению былой славы региона, утвердился благодаря союзу с современным республиканизмом, борьбой за права рабочих и влиянием непоколебимой риторики популизма.

Сьюдад-Кондаль² сотрясаясь от градостроительной экспансии, которая принуждала город к постоянным изменениям, а также от провокационных террористических актов – такую форму избрали анархисты в попытке громко заявить о себе и сражаться за права рабочего класса, попиравшиеся на протяжении десятилетий.

Именно по этой причине в те времена Барселона была известна во всем мире как «Огненная роза».

В первые месяцы 1908 года по всему периметру Барселоны взорвалось несколько бомб. А Пятый округ³ – семья Рос Адель жила на границе с Шестым, но считала себя частью самой скромной зоны города – стал свидетелем того, как многие его жители пали жертвой идеологических разногласий, причины которых было трудно постичь. Как говорил дон Рамон Рос: «Если для достижения чего-то благого нам приходится убивать наших соседей, значит, в нашей логике есть возмутительный изъян».

---

² Барселону часто называют Сьюдад-Кондаль (Графский город), потому что в Средние века она являлась столицей графства Барселона.

³ Сейчас этот район носит название Раваль.

* * *

Теплый морской ветерок проник в старый учебный класс, где получали образование самые удачливые дети Пятого округа. Этих юных неокрепших умов была всего лишь горстка: множество детей, которым не было и десяти лет, проводили большую часть своего времени на фабриках, расположенных в Барселонете, Поблену и у подножья горы Монжуик. Этих произвольно отобранных малышей эксплуатировали за сущие гроши. По правде говоря, чтобы отнести в свою лачугу жалкий кусок хлеба, большая часть детского населения этого района была вынуждена попрошайничать или приторговывать. И даже те из них, кто жил в сиротских приютах – брошенные на милость божью и сурово наказываемые земными представителями Всевышнего, носившими сутану и монашеское одеяние, – не имели шанса на лучшее будущее.

Льюисет был не совсем обычным ребенком, поскольку его родители не входили в легион иммигрантов, приехавших в Барселону в поисках лучшей жизни. Для тех, кто жил лишь одной хрупкой надеждой, ступить на землю каталонской столицы было все равно что отправиться на поиски счастья в легендарный Нью-Йорк, с той лишь разницей, что здесь их не встречал ласковый взгляд Статуи Свободы и им не приходилось отправляться в утомительное путешествие через океан. Кроме того, в каталонской столице они могли избавить себя от хлопот с изучением нового языка: в одной из признанных европейских столиц все болтали на исковерканном испанском. Решение о переезде в этот уголок, зажатый у подножья горы Кольсерола, было легко принять, если бы не одно досадное обстоятельство: многие улицы этого большого города оставались немощеными, из-за чего метрополия была известна под названием Кан-Фанга⁴.

В конце 1908 года семья Льюисета находилась на грани между тем, что можно было назвать средним классом, и группой самых обездоленных. Дон Рамон, глава семейства, являлся единственным наследником индиано⁵, который за несколько лет до смерти проиграл все до последнего гроша, поставив на неудачную карту свою скромную фабрику в Поблену. Стыдясь того, что подвел своих, дед Льюисета, поджал хвост и сбежал на Кубу, бросив на произвол судьбы свою жену Ортенсию и единственного сына Рамона, которому на тот момент исполнилось всего шестнадцать. Это была ужасная трагедия, и мать с сыном, оказавшись в плачевном нищенском положении, были вынуждены переехать в лачугу в Пятом округе. Юный Рамон, осознавая свое положение и понимая, что может случиться, не возьми он на себя бразды правления и ответственность за мрачное настоящее – ему, в отличие от отца, была присуща рассудительность, – явился на проигранную в карты фабрику, умоляя нового владельца сохранить за собой рабочее место. Он работал там с тринадцати лет и, честно продвигаясь по служебной лестнице, стал правой рукой управляющего этой скромной промышленной фабрикой.

К счастью, новый владелец, полностью потерявший интерес к предприятию, доставшемуся ему по воле случая, взял юношу на ту же должность, но сократил его жалованье вдвое. Это было немыслимое снижение оплаты труда для того, кто желал пробиться вперед. Но, как и следовало ожидать, молодой человек собрал волю в кулак, склонил голову и принял эту бесчеловечную сделку.

Спустя почти пять лет, когда он уже три года как был женат на Росите Адель и стал отцом маленькой Агнес, которой уже почти исполнилось два года, у Рамона появилась возможность уйти с фабрики благодаря неожиданной удаче. Едва он переступил порог в двадцать один год, как человек, когда-то бросивший его на произвол судьбы, словно паршивого пса, дал ему возможность творить добро и изменить свою жизнь благодаря значительному состоянию, которое он нажил в далеких краях и оставил ему в наследство. Его отец-подлец прекрасно прожил

⁴ Can Fanga (кат.) – дом грязи.

⁵ Индиано – испанец, вернувшийся разбогатевшим из американских колоний.

остаток жизни в Гаване, где занялся прибыльной сахарной промышленностью и всегда щедро оплачиваемой работоторговлей.

Узнав о происхождении столь желанных денег, Рамон Рос, будучи человеком редкой честности и непоколебимых принципов, решил использовать нежданное грязное наследство во благо окружающим. Первым делом он устроился на знаменитую фабрику «Макиниста Террестре и Маритима», где вскоре преуспел в искусстве обработки тяжелого металла и строительстве локомотивов. Эти жизненные изменения принесли ему немалую известность в старых кварталах Сюдад-Кондаль. Мало-помалу молва разнеслась, и соседи узнали, что некий Рамон Рос предоставляет ссуды, не требуя ничего взамен. Вернуть следовало ту же сумму, что и выдавалась, без процентов или кабальных сроков.

Предложение оказало мгновенный, поистине волшебный эффект, и вскоре Рамон с завода превратился в дона Рамона.

Что до матери Льюисета, Роситы, то она была почти ангелом во плоти. Родом из скромной семьи, проживавшей в Пятом округе, она отказалась от всего ради любви. Рамон похитил ее сердце еще в юности, и, вопреки воле семьи, она вышла за него замуж в восемнадцать лет и поселилась на улице Тальерс на углу с Жовельянос, что было идеологической границей непростого Пятого округа с Шестым.

Спустя год после заключения этого романтического и идиллического союза у молодых людей, которым на тот момент уже исполнилось девятнадцать, родилась их наследница Агнес. Они стали родителями, едва заложив основы новой семьи, что для того времени было вполне обычным делом.

Несмотря на свое скромное происхождение, пара сильно отличалась от большинства жителей района и, обосновавшись в нем, стала очень популярной. Их доброе имя было у всех на устах.

* * *

Льюисет не отрывал взгляд от креста, висящего над старой классной доской, и думал лишь о том, как пойдет встречать отца. На эту прогулку до «Макиниста Террестре и Маритима» он отправлялся вместе с матерью и сестрой и радовался тому, что мог провести вместе с ними время.

В свои девять лет он просто обожал Роситу, однако его настоящая страсть, помимо восхищения Рамоном, была полностью направлена на Агнес, его тринадцатилетнюю сестру. С самого его рождения девушка окружала брата заботой и нежностью, никогда не отказывая ему ни в прихотях, ни во внимании, и за это юный отпрыск семьи Рос Адель испытывал к ней безграничную любовь.

Для своих лет Льюис был невысок, но его выразительный взгляд демонстрировал не по годам развитую проницательность, которую он ловко скрывал. Свои прямые светло-русые волосы он убирал под кепку, типичную для сорванцов того времени. Он растапливал лед в сердцах окружающих своей похожей на молодой полумесяц улыбкой, которая почти всегда озаряла его лицо. Этот оборванец, выросший в квартале, где выживание было постоянным гостем на пороге, излучал невероятную доброту – редкое явление для первых лет двадцатого века. С первого взгляда становилось ясно, что у мальчика есть все задатки для того, чтобы добиться больших успехов в жизни.

Когда суровый и непреклонный учитель разрешил детям покинуть уголок, где их готовили к достойному и подобающему будущему, Льюисет молнией выбежал из класса, чтобы как можно быстрее покинуть учебное заведение, которое, казалось, насильно втиснули между двумя обветшалыми зданиями.

Выйдя за порог старой школы и увидев женщину, которая подарила ему жизнь, он бросился в ее объятия, чтобы она окутала его любовью и успокоила его детский пыл.

– Сынок! Ты чего так разнервничался?

– Мне так хотелось вас увидеть! В школе ужасно скучно, мама! Я хочу быть с вами! Если Агнес с тобой работает, почему я не могу?

Его сестра рассмеялась.

– Головастик, тебе еще многому нужно научиться.

– Твоя сестра права. Тебе очень повезло, сынок. Большинство детей твоего возраста вынуждены часами пропадать на фабрике. Пользуйся возможностью, чтобы стать умнее! Поработать ты еще успеешь...

Льюисет, поморщившись, кивнул и, не спрашивая разрешения, достал из кармана юбки матери кусочек шоколада, который она всегда ему приносила. С тех пор как он себя помнил, Росита ни разу не нарушила эту традицию.

– Ладно, нам пора, а то опоздаем на фабрику. Ваш отец всегда выходит с работы голодным. Не стоит заставлять его ждать.

Агнес и Льюисет взяли мать за руку – каждый со своей стороны, как того требовали привычка и положение в семье. Вместе они прошли по Пятому округу, пересекли Рамблу и отправились в Барселонету.

О такой матери, как Росита Адель, мечтали все дети. Обладая типичной средиземноморской внешностью – оливковой кожей и полными, как пиренейские долины, губами, – она имела привычку убирать волосы в пучок или заплетать их в толстую косу, элегантно ниспадающую на грудь. Ее искрящийся и беззаботный взгляд часто подвергал сомнению все, что попадалось ей на пути. Глава семьи Рос Адель была привлекательной женщиной во всех отношениях, и выражение ее лица ясно давало понять, что она довольна своими достижениями. Элегантная, с утонченными манерами, она всегда умела найти подходящее место и момент, чтобы высказаться и привлечь всеобщее внимание.

Росита была второй половиной гармоничного союза, в котором царило взаимное уважение. Обладая бесконечным терпением, она помогала людям справляться с их тревогами, превращая их в истории, над которыми можно посмеяться в кругу друзей, – тем, кому посчастливилось делиться с ней своими переживаниями, передавалось ощущение невероятного умиротворения.

Агнес, как настоящая дочь своей матери, ослепляла европейской красотой, которая редко встречалась в пригородах Барселоны. В ее гармоничных чертах лица не было и тени вульгарности, а выразительные глаза цвета морской волны, доставшиеся ей от матери, излучали ум, способный разгадать любую загадку. Чтобы привлечь внимание соседей, наследнице семье Рос Адель не нужно было прилагать больших усилий, а когда она шла мимо, то за ней наблюдали как за очаровательной героиней кино. Благодаря своей внешности она вполне могла сойти за уроженку земель Северной Европы или цветущих полей французской Тосканы. Изящная, с неизменно аккуратной прической, она, казалось, была окружена волшебным ореолом. К ее природному магнетизму добавлялись врожденная элегантность и умение держаться с достоинством. Если бы она носила изысканные одежды, никто бы не усомнился, что перед ними – девушка, рожденная править целым городом и сердцами его обитателей.

По пути они распевали народные песни, загадывали друг другу загадки, весело смеялись и сами не заметили, как добрались до «Макиниста Террестре и Маритима», где их уже ожидал отец. Увидев свою семью, мужчина прервал разговор с группой рабочих и простился с ними до следующего дня.

Рамон Рос был человеком, наделенным поразительной двойственностью. Будучи серьезным по натуре мужчиной, он за считанные секунды мог преобразиться, и тогда на его лице появлялось одно из самых дружелюбных выражений, что видели в сердце Сюдад-Кондаль.

Ухоженная, всегда аккуратная и симметричная борода обрамляла греческие черты лица, придававшие его облику мудрость древних мыслителей. Его внушительный орлиный нос и пронизательный взгляд, скрытый под красиво очерченными веками, наделяли его величавым благородством.

Дон Рамон одевался скромно и производил впечатление человека, обеспокоенного благом своих близких, что позволяло разглядеть скрытую в его душе доброту. Не было вокруг ни одного человека, кто не относился бы к нему с глубочайшим уважением, и, несмотря на свою дородность, он умел двигаться неспешно и плавно. Возможно, благодаря его манере держаться или умиротворению, которое от него исходило, люди обращались к нему за помощью – чтобы получить совет или просто выговориться.

Как бы то ни было, дон Рамон был человеком справедливым и сопереживающим, готовым рискнуть всем ради благого дела.

* * *

Льюисет бросился к отцу с тем же пылом, что и к матери час назад, и Рамон нежно его обнял.

– Как дела в школе, малыш? Ты многому учишься? Помни, тебе предстоит стать самым умным в семье!

– Это нетрудно, пап! – насмешливо бросил мальчик. – Но школа мне не нравится... Можно мне работать с тобой? Обещаю, я быстро всему научусь!

Рамон рассмеялся над выдумкой сына.

– Терпение, Льюисет. Перед тем как установить в доме окна, необходимо сначала заложить фундамент и возвести стены. Всему свое время. Не нужно торопиться, головастик.

Мальчик, лишь от части удовлетворенный объяснениями единственного человека в мире, которым он восхищался, взял отца за руку и потянул за собой туда, где их ждали мать с сестрой.

Когда семья Рос Адель собиралась вместе, происходило нечто волшебное: вокруг них воцарялась теплая и умиротворяющая атмосфера, которой невозможно было не позавидовать. Именно это Льюисет и любил больше всего на свете: видеть счастливыми людей, которых он обожал всей душой.

* * *

На кухне Росита готовила под крики чаек, отчаянно ищущих, чем бы полакомиться. Кроме жаровни и скромной посуды, ей было нечем похвастаться, но она варила суп, в который бросила все, что нашлось, чтобы придать ему неповторимый вкус. Она уже несколько часов стояла у плиты, а Агнес в это время заканчивала штопать низ и манжеты рубашки. В свои тринадцать лет дочь Роситы решила посвятить себя тому же ремеслу, что и мать, и прекрасно управлялась с иглой и наперстком. Чтобы выполнить все заказы в срок, одна порой брала на себя домашние дела, а другая шила. Благодаря этой стратегии они могли чуть свободнее распорядиться временем и многое успевали за день. К тому же слава Роситы достигла самых удаленных уголков района, а значит, число ее клиентов увеличивалось с каждым днем.

– Льюисет, сбегай в кафе на углу и позови отца. Еда почти готова.

Мальчик, обрадованный тем, что ему доверили столь ответственное дело, отложил тетрадь, в которой рисовал часами напролет, и ускорил шаг, чтобы в два прыжка спуститься по лестнице. Он направился к таверне, где его отец проводил два-три вечера в неделю.

Поговаривали, что мужчина пристрастился к крепким спиртным напиткам, но это было далеко от истины. На самом деле в то место дон Рамона приводило его стремление помогать.

Благодаря неожиданному наследству отец Льюисета имел обыкновение принимать нуждающихся за самым темным и укромным столиком заведения, где выслушивал их жалобы и нужды.

Вот почему вся округа относилась к нему с большим уважением.

Льюисет зашел в скромное кафе, как к себе домой, и проскользнул сквозь толпу посетителей, чтобы найти отца. Малыш не совсем понимал, почему его герой изо всех сил старается помочь соседям, несмотря на должность начальника железнодорожного завода, но он в принципе не понимал многих поступков взрослых, поэтому старался заниматься своими делами и не задавать лишних вопросов.

– Благослови вас Господь, дон Рамон. Обещаю, я скоро все вам верну. Вы – настоящий ангел, – от всей души промолвила одна из самых уважаемых зеленщиц в округе.

– Нет нужды беспокоиться, Пакита. Ваш муж должен поскорее оправиться после несчастного случая и вернуться на верфи. Это самое важное. Я слышан о его мастерстве в корабельных делах.

– Так и есть, дон Рамон. Его бригадир прекрасно все понимает, но судоходная компания не покрывает подобные непредвиденные расходы. Слава Господу, вы спасли нам жизнь. Не знаю, как...

Женщина не успела завершить свою искреннюю благодарность, потому что к столу подошел Льюисет и без лишних церемоний устроился на коленях отца.

– С возвратом не торопитесь. Я счастлив вам помочь, но помните, что я не приму больше того, что вам одолжил, договорились? Это касается и рагу, и всего остального, что придет вам в голову. Мы ведь знакомы не первый год...

Женщина, чьи глаза светились добротой, не могла уйти, не поблагодарив мужчину в последний раз.

– Вы заслуживаете всего самого наилучшего, дон Рамон... Мальчик, ты знаешь, что твой отец – ангел? Береги его, ведь тебе выпала величайшая удача...

Льюисет с улыбкой взглянул на отца. Для мальчика тот был подобен Святому Георгию – рыцарю, сумевшему победить дракона благодаря своей храбрости.

Сеньора Пакита поправила темный платок, покрывавший ее голову, и покинула таверну со спокойствием в душе, зная, что не потеряет дом, пока ее муж выздоравливает.

– А ты что тут делаешь, головастик? Мама послала?

– Да. Она говорит, что ужин почти готов и чтобы мы поторопились.

– Тогда не будем терять времени зря, ты ведь знаешь, как она злится, когда мы заставляем ее ждать.

– Почему, папа?

– Потому что так поступать неуважительно. Ради тебя стараются, а ты даже не можешь вовремя прийти. Никогда не забывай, сын мой, что отсутствие пунктуальности – качество довольно гнусное...

Пока дон Рамон разъяснял важность жизненных ценностей для воспитания взрослого человека, чуткого к своему окружению, они покинули таверну, не расплатившись. Ребенок никак не мог понять, почему его отец не оплачивал то, что заказывает. И каждый раз, когда он об этом спрашивал, то получал одно и то же объяснение, сопровождаемое лукавым подмигиванием: «Потому что и у хороших людей иногда бывает своя награда».

2

Льюисет и Агнес нарядились, словно на религиозный праздник. Отец обещал сводить их в легендарное место на Рамбле. Главная артерия Барселоны, несмотря на работы по прокладке Виа Лаетана и строительство Пасео-де-Грасия, оставалась отдельным миром. На столь известном по всему свету бульваре можно было встретить кого угодно. Это была благоустроенная дорога, направлявшая развитие морского мегаполиса, пространство, где регулярно прогуливался каждый житель Барселоны, вне зависимости от своего социального статуса. Здесь мужчины в котелках и воскресных костюмах, рабочие в кепках и заводской форме, богачи в цилиндрах и с тросточками, женщины с высокими прическами, в шляпках и платьях по последней парижской моде смешивались у трамвайных путей с толпой беспризорников и юношами на велосипедах, лавировавшими между оставшимися гужевыми повозками. Цветочные лавки под открытым небом, роскошные кафе, ателье и магазины радовали как туристов, так и местных жителей. Барселона находила отражение в Рамбле и во всех ее отрезках (Рамбле Канелетас, Учения, Цветов, Капуцинов и Святой Моники), в ее разных названиях и истории, что хранил в себе каждый сантиметр этого бульвара. Коренные барселонцы обожали это место, а всякий иностранец и турист, ступавший на просторную улицу впервые, тут же без памяти влюблялся, потому что Рамбла воплощала саму жизнь, пространство вне времени, где чувство реальности растворялось в воздухе.

Дон Рамон решил сводить детей на празднование по случаю недавней реконструкции знаменитого киоска «Каналетас», расположенного в нескольких метрах от известного фонтана, служившего местом встречи для всех без исключения.

Дети слышали об этом месте, но у них еще ни разу не было возможности насладиться знаменитой сахарной водой, которую там подавали, разноцветным гранисадо⁶ и американской содовой из сифона, поэтому их тут же захлестнуло волнение от предвкушения чего-то нового.

История этого маленького райского уголка с напитками началась очень давно. В 1877 году городская администрация выдала Феликсу Понсу первую лицензию на деятельность, чтобы облагородить поселение, которое жаждало соперничать на равных с сияющим Парижем и другими крупными европейскими городами.

Изначально, более чем за десять лет до своего подъема на вершину Рамблы, Феликс Понс держал ларек с прохладительными напитками на площади Бокерия, а на Каналетас он сколотил свой первый киоск всего из четырех деревянных досок. Цель была простой – разбогатеть.

Новый киоск «Каналетас» представлял собой простое заведение, где официанты в белых фартуках подавали напитки, кофе, воду из того самого фонтана и – что самое главное – знаменитую содовую Понса.

Тринадцать лет спустя, уже изрядно разбогатев, владелец раскошелился, чтобы провести первую реконструкцию ларька. Однако лишь в начале двадцатого века, в 1901 году, в этом маленьком барселонском райском уголке произошли настоящие перемены, за которые стоило благодарить нового владельца. Именно Эстеве Сала Каньядель, великий каталонский предприниматель ресторанного дела, добился получения новой лицензии от городской администрации на ведение уличной торговли в киоске.

У этого проницательного предпринимателя уже было несколько заведений подобного типа в разных уголках города, но бульвар Каналетас казался идеальным местом для упрочения его славы, поэтому мужчина не раздумывая пустил в ход всю свою изобретательность, чтобы вдохнуть в киоск новую жизнь. Вскоре не осталось ни одного барселонца, который бы

---

⁶ Гранисадо – смесь толченого льда с фруктовым соком или сиропом.

не попробовал его американскую содовую и новомодный картофель фри, полюбившиеся как взрослым, так и детям.

Сала начал сколачивать целое состояние на маленьком деле, и, хотя аренда обходилась ему в баснословные тринадцать тысяч песет в год, за тот же самый период он зарабатывал более ста пятидесяти тысяч.

Чтобы деньги не залеживались в карманах, он имел обыкновение уезжать из Сюдад-Кондаль: предприниматель отправлялся в длительные путешествия по романтической Европе для того, чтобы ознакомиться с последними новшествами в своей отрасли и потратить деньги в свое удовольствие. Его наметанный глаз искал новые товары, которые можно было привезти в каталонскую столицу. К примеру, именно в Париже он приобрел за горсть франков четыре картофельные терки, благодаря которым добился невероятного успеха в Барселоне.

Через год после приобретения киоска он решился открыть «Американ Сода» – заведение в североамериканском стиле, работавшее круглосуточно. Всего за несколько недель оно ввело моду принимать аперитив перед сытной полуденной трапезой.

К чему бы Сала ни прикасался, все превращалось в золото. Успех киоска «Каналетас» со временем лишь рос, но, несмотря на это, владелец не переставал быть бдительным и в 1906 году провел реконструкцию заведения, чтобы сделать его еще более комфортным для посетителей и предлагать продукцию высочайшего качества. Ремонт вдохнул в киоск дух популярного в городе модерна, столь любимого как туристами, так и местными жителями.

Эта реконструкция привела в изумление всю Барселону, и дела у заведения продолжили идти в гору.

Два года спустя Сала получил крупную финансовую помощь от своего дяди. Поскольку предприниматель не привык откладывать деньги, то затеял еще одну реконструкцию киоска и поручил ее знаменитому архитектору Жозепу Годою. Именно открытие «Каналетас» после реконструкции и привлекло туда семью Рос Адель.

Небольшое заведение заработало себе громкое имя в соседних районах, поэтому, воспользовавшись приглашением управляющего киоском Атилио Масота, Рамон Рос решил, что его дети должны увидеть это место собственными глазами.

Дон Атилио – именно так к нему обращались жители квартала – стал старшим официантом киоска благодаря работе в первом питейном заведении на рынке Бокерия, которое принадлежало первому владельцу киоска «Каналетас». Его умение находить подход к людям было настолько незаменимо, что сам Эстеве Сала не захотел с ним расставаться и оставил Атилио работать в заведении, предоставив ему постоянного напарника, чтобы вместе они смогли справиться с новым этапом в жизни киоска. Пьер Обер, молодой француз, постоянно помогавший Атилио, пришел из другого крупного предприятия Сала – «Американ Сода».

* * *

На открытие киоска после реконструкции пришла огромная толпа, в заведение было невозможно протиснуться, и семье Рос Адель пришлось выстоять длинную очередь, чтобы заказать напитки и поболтать с Атилио.

Киоск расположился на вершине Рамблы Каналетас с величием, присущей стилю модерн. На первый взгляд казалось, будто перед вами не то часовня, не то сказочный домик в духе Гензеля и Гретель, способный разрушить все привычные представления об искусстве.

Киоск, имевший практически круглую форму, возвышался подобно грибу из букового леса Фажеда-ден-Жорда и, словно магнит, привлекал проходящих мимо него горожан. Никто не мог устоять перед соблазном выкроить минутку из своей повседневной рутины и полюбоваться красотой этого маленького кафедрального собора грез. Всю конструкцию покрывала

изящная сероватая мозаика в стиле тренка-дис⁷, придуманном Гауди. Закругленные и изогнутые формы, чуждые скучным линиям чисто механической концепции, приближали конструкцию киоска к философии великого каталонского архитектора, который включал в свои работы лишь те элементы, что находили отражение в природе.

Барная стойка проходила по всему периметру заведения, из-за чего официанты всегда были на виду у посетителей, устраняя тем самым незримые барьеры между обитателями этого маленького волшебного мирка. Деталь, которая хоть и казалась незначительной, но сближала тех, кто работал в киоске, и тех, кто наслаждался заказанными напитками.

Внушительная центральная колонна, где хранились бутылки и бокалы, напоминала крепкий ствол тысячелетнего оливкового дерева и прикрывала спины официантов. Из внутренней стены барной стойки торчали сифоны, из которых разливали знаменитую содовую киоска «Каналетас».

От непогоды пространство защищала сложная конструкция: переплетенные прутья кованого железа и полотна, имитирующие аэродинамику грузов, которые Антонио Гауди использовал в своих макетах. Внешне киоск «Каналетас» напоминал своими очертаниями малоизвестную крипто Колонии Гуэля – как своими структурными формами, так и овальными витражами, придававшими ему облик, в котором угадывалась то ли таинственность гор Монсеррат, то ли извилистые изгибы Пиренейских пещер. В самой верхней части конструкции располагались элементы, которые приковывали взгляды посетителей и напоминали световые люки, типичные для архитектуры более раннего периода. Очертания люков киоска были плавными, словно расплавленная магма из земных недр расплавила их и украсила кружевом кованого железа.

Киоск являл собой волшебное пространство, сравнимое с наиболее значительными образцами художественного стиля, покорившего весь мир. Если бы великий Гауди не был занят другими заботами, можно было бы подумать, что это творение принадлежало руке великого каталонского гения.

Увидев дону Рамона и его детей, гордый официант обрадовался так сильно, что остальные клиенты решили, будто новые посетители принадлежат к высшему сословию города. Однако их удивление тут же сошло на нет, стоило им увидеть, что семья одета так же скромно, как и все жители этого квартала.

Атилио, которому на тот момент еще не исполнилось и сорока, был мужчиной крепкого, но приятного телосложения. Его подбородок обрамляла типичная для той эпохи густая борода с проседью, а миндалевидные большие глаза придавали ему таинственности, присущей великим мудрецам. Облаченный в форму старшего официанта, он был настоящим королем киоска. Очевидно, это было у него в крови. Если бы он не обслуживал других людей, из него мог бы получиться охотник в духе Буффало Билла или, возможно, капитан большого торгового судна – такая была у него внешность. Уже по одному взгляду его пронзительных голубых глаз становилось ясно, что бояться нечего. Он был воплощением человеческой доброты.

Атилио испытывал огромное восхищение и глубочайшее уважение к отцу Льюисета, поскольку несколько лет назад тот дал ему взаймы, чтобы официант мог ухаживать за своей матерью. Кроме обожаемой матери, у Атилио больше никого не было. Благодаря деньгам дона Рамона он мог обеспечить ее лучшее лечение, и все же однажды под покровом ночи сильная лихорадка вероломно унесла ее жизнь. Несмотря на постигшее его несчастье, управляющий киоском хотел как можно быстрее вернуть заем, но отец Льюисета, отличавшийся добрым сердцем, сказал ему не торопиться. Он позволил мужчине спокойно оплакать смерть матери и выплатить долг небольшими, удобными платежами в течение нескольких лет. После этой

---

⁷ Тренкадис – техника создания мозаики «неправильной» формы, которую изготавливают из фрагментов керамики и стекла.

ситуации между мужчинами установилась нерушимая связь, и Атилио поклялся дону Рамону, что останется у него в вечном долгу.

Именно по этой веской причине, увидев своего благодетеля и его отпрысков, управляющий заведением тут же забыл об остальных клиентах и всецело посвятил себя новым гостям.

– Дон Рамон! Как же я рад, что вы приняли мое приглашение. Позвольте предложить вам попробовать нашу знаменитую американскую содовую? Обещаю, вы не разочаруетесь...

Отец Льюисета с благодарностью кивнул. Чувствовать такую любовь от соседей было лучшей компенсацией за все, что он делал от чистого сердца. По иронии судьбы он получил шанс стать хорошим человеком благодаря своему отцу, который был тем еще негодяем. Лишь за этот последний акт доброй воли глава семьи Рос и простил своего родственника, когда тот отходил в мир иной.

Пока Атилио готовил напитки, он задал несколько простых вопросов:

– Как вас зовут, ребяташки? Сколько вам лет? Ваш отец обычно очень сдержан во всем, что касается личных дел, поэтому, чтобы я мог узнать вас лучше, вам придется мне помочь...

– Я Агнес, мне тринадцать... А этого головастика зовут Льюисет...

– И мне девять! – выкрикнул малыш, обращая на себя внимание.

– Ну вот, молодые люди, держите! – ответил Атилио, подавая им высокие стаканы с американской содовой. – Пьер, ну же, принеси мне поднос с чипсами... – бросил управляющий молодому официанту, который был полностью загружен работой. Судя по его внешнему виду, он едва вступил в пору зрелости, ему было не больше семнадцати лет. Более чем подходящий возраст по тем временам для того, чтобы стать умелым учеником.

У Пьера были тонкие и угловатые черты лица. Над едва пробивающимися тонкими и аккуратными усиками возвышался почти идеально очерченный, но слишком крупный для его лица нос. В профиль он напоминал аккуратно выведенную цифру четыре. Завершающим штрихом этого французского лица были нависшие веки, которые, однако, уравнивались очарованием глаз небесно-голубого оттенка. У молодого человека были темно-каштановые волосы, заостренная эспаньолка и гладкие бакенбарды, придающие ему опрятный вид.

На первый взгляд он напоминал наполеоновского солдата или типичного фехтовальщика со страниц романа Александра Дюма, но по его застенчивому взгляду можно было догадаться, что за сдержанным фасадом скрывалась печальная и опустошенная душа. Тайна, которую он ревностно хранил с самого прибытия в великую Барселону, неизбежно отражалась на его лице.

Облаченный в безупречный белый фартук, Пьер подал большую порцию фирменного картофеля фри и был совершенно очарован юной Агнес. Молодые люди не только обменялись взглядами, но и в тот же момент поклялись друг другу в вечной любви, хотя до осознания этого было еще слишком рано.

– Французик, я смотрю, ты на девушку глаз положил! Давай-ка, возвращайся к работе! – сказал Атилио, и щеки наследницы семьи Рос тут же залил румянец, а официант очнулся ото сна, получив словесную взбучку.

– Конечно, дон Атилио, простите...

Все стали свидетелями волшебной искры, вспыхнувшей между молодыми людьми, но не стали придавать этому особого значения и продолжили беседовать, пока управляющему не пришлось вернуться к своим рабочим обязанностям. Тогда семья Рос решила отправиться на неспешную прогулку по Рамбле.

– Кстати, ребята, можете приходить, когда захотите. Здесь вам всегда рады, – подмигнув, сообщил брату с сестрой Атилио.

Пока они допивали содовую, Агнес разговаривала с отцом, а Льюисет, воспользовавшись тем, что на него не обращают внимания, любовался этим живописным пространством, пытаясь запомнить мельчайшие детали. Он сразу же догадался, что это невероятное место, почти сказочное. Посетители улыбались, пребывая в восторге от напитков и компании, и Льюисет понял,

что однажды это заведение будет принадлежать ему. Он чувствовал, что здесь жизнь обретает новый смысл. Он еще никогда не наблюдал столько радости в одном месте. Видеть всех этих людей счастливыми казалось ему подарком судьбы. Впервые за долгое время глаза его сестры горели, а отец, который всегда излучал доброжелательность, но был сдержанным, расслабился, словно у себя дома. Увидев, как на лице отца появилось умиротворение, он понял, что это место обладает невероятной силой. Другие причины, по которым можно было влюбиться в этот уличный киоск, мальчика не волновали. Его волновало лишь то, какие эмоции он смог вызвать у самых дорогих ему людей.

По дороге домой, продвигаясь вглубь Пятого округа, самый младший из семьи Рос почувствовал необходимость разузнать чуть больше о том человеке, который показался ему своего рода волшебником. Он не только подавал напитки с необыкновенным мастерством, но и, подобно уемелому иллюзионисту, дарил другим ощущение домашнего уюта.

– Папа... откуда ты знаешь Атилио?

Дону Рамону потребовалось несколько секунд, чтобы собраться с мыслями и придумать объяснение.

– Видишь ли, сынок... Несколько лет назад у него заболела мать, а я помог ему, чтобы он мог заботиться о ней как можно лучше и купить все необходимые лекарства. Все это стоило больших денег, а у Атилио их не было.

– То есть ты дал ему денег взаймы, – пояснила Агнес, которая в свои тринадцать лет была чрезвычайно умна и понимала, о чем идет речь.

– Все верно...

– Почему ты даешь деньги тем, кто их у тебя просит? Мы разве богаты?

Дон Рамон рассмеялся.

– Нет, сынок, мы не богачи. Но твоему отцу нравится помогать нуждающимся, и, кроме того, у меня есть возможность это делать. Если бы у тебя были проблемы или если бы ты нуждался в чем-то очень важном, тебе бы ведь хотелось, чтобы кто-то смог помочь?

– Конечно...

– Именно это я и делаю. И, возможно, когда-нибудь и ты будешь этим заниматься.

– Будто это наша семейная традиция?

– Именно, – ответил дон Рамон. – Может быть, устроим вашей матери сюрприз, купим немного трески и овощей на ужин и поедим как следует? Что скажете?

Дети пришли в восторг. В те годы хорошая трапеза означала либо невероятную удачу, либо празднование чего-то важного. Первое посещение великолепного киоска подходило под категорию хороших новостей.

3

Барселона, середина 1909 года

В летнюю пору ленивое солнце не спешило прощаться. Льюисет обожал это время года, ведь он мог сидеть, свесив ноги, на маленьком балконе своей квартиры и любоваться крышами невысоких соседних домов. Со временем он научился разгадывать их секреты, понимать их характер и даже любить. На высотах старых зданий существовал целый мир, о котором многие и не догадывались. Он был похож на мир Рамблы, однако в нем было больше воздуха, и находиться там могли только свои. Соседи сушили одежду или строили голубятни, а дети его возраста организовали целую систему мелкого воровства. По сути, это были беспризорники, сбежавшие из приюта или из семей, которые вымещали на них всю свою неудовлетворенность жизнью. Дети, которые порой смотрели на него издали без всякого осуждения. Но он не был на них похож, и, хотя такая дикая жизнь, выходящая за рамки принятого, казалась ему привлекательной, он чувствовал, что родители ожидают от них с сестрой большего. Они старались, чтобы их дети ни в чем не нуждались, и в этом он отличался от тех несчастных, лишенных всякой надежды.

Когда Льюисет не наблюдал за жизнью соседей, он развлекался, рисуя в старой тетради, которую ему подарил отец на девятый день рождения. Обладая явным талантом к рисованию, он воссоздавал разные ракурсы киоска «Каналетас».

Это место произвело на него такое сильное впечатление, что всякий раз, когда отец водил детей выпить по стаканчику прохладительного напитка, мальчик пользовался этой возможностью, чтобы запомнить каждую мельчайшую деталь, каждый уголок этого заведения. Но он не только воссоздавал киоск во всей его модернистской красе, он еще и начал зарисовывать в своих новых работах фигуры посетителей.

– Льюисет, давай в дом, ужин почти готов, и твой отец будет с минуты на минуту.

– Уже иду, мама! Секундочку! – ответил младший из семьи Рос, заканчивая прорисовывать барную стойку киоска.

Росита, привыкшая повторять сыну одно и то же по несколько раз, решила прервать его занятие; суп не должен был остыть. Поэтому она попросила дочь начать накрывать на стол, а сама подошла к балкону, чтобы ласково потрепать за ухо мальчика, который поступал так, как ему вздумается.

Когда она застала его за наброском, то была приятно удивлена.

– Ты сам это нарисовал?

– Да... Тебе нравится?

Мать не знала, что ответить. У нее буквально не нашлось слов.

– Твой рисунок... действительно прекрасен, сынок. Это киоск «Каналетас»?

– Да! Однажды, мама, я буду там работать, он станет моим. Мне бы хотелось быть как дон Атилио.

Мать удивилась, услышав этот комментарий.

– Дон Атилио? Что ж, сынок, уверена, благодаря учебе ты сможешь найти гораздо более интересную работу. Посмотри, как хорошо ты рисуешь...

– Мне бы хотелось работать в киоске.

Росита улыбнулась наивности своего отпрыска и решила оставить этот разговор на потом. Он был еще слишком мал для подобных тем; о будущем пока было рано говорить.

– Пойдем, солнышко, твой отец будет с минуты на минуту. Ты же знаешь, как он любит, когда мы ужинаем все вместе.

С нежностью погладив мальчика по голове, Росита вернулась на кухню, чтобы начать подавать ужин, а Льюисет направился в комнату, которую делил с сестрой. Там он спрятал тетрадь под матрас и привел себя в порядок к предстоящему ужину.

* * *

В то воскресенье дон Рамон решил сводить своих детей выпить содовой в киоск на Рамбле. Визиты в райский уголок на Каналетас стали своего рода семейной традицией. Росита же предпочитала оставаться дома, заканчивая кое-какие заказы, хотя это было лишь предлогом, который она использовала каждый раз, когда ее семья отправлялась на небольшую прогулку в заведение неподалеку от площади Каталонии. На самом деле она наслаждалась тем, что дети могли побыть наедине со своим отцом. Время, проведенное на заводе «Макиниста Террестре и Маритима», и те часы, что он посвящал помощи соседям, лишали главу семьи возможности побыть с детьми, которые росли не по дням, а по часам. А она и так проводила много времени с Агнес и Льюисетом, поэтому и поощряла эти прогулки без нее – ведь только так дети могли сблизиться с отцом. Времени на это оставалось совсем немного. Детство пролетало незаметно, и она прекрасно знала, как важно иметь любящих родителей. Только так можно вырасти уверенным в себе человеком и противостоять непредсказуемому миру.

В тот день дон Рамон решил сначала спуститься к «ласточкам»⁸, чтобы прокатиться на лодке и развлечь детей.

Годом ранее, в 1908-м, в одной из этих знаменитых лодок взорвалась бомба, но отец Льюисета отказывался жить в страхе. Именно такую позицию он хотел привить и своим наследникам. От судьбы было не скрыться, всех ждал свой черед, и, будучи жителями Барселоны, они должны были быть готовы ко всему. Пока борьба за права являлась неотъемлемой частью города, судьба жителей постоянно висела на волоске.

Дон Рамон по-особому относился к «ласточкам», ведь завод, где он трудился, производил паровые машины, которые приводили эти лодки в движение. Насколько ему было известно, идея принадлежала кубинцу, сыну каталонского индиано и француженки, которые, спасаясь от войны на Кубе, обосновались в Сюядад-Кондаль. Там, на радость всем барселонцам, мужчина создал прогулочный лодочный бизнес, очень похожий на тот, что существовал в бухте Матансас.

«Ласточки» совершали маршрут от Порталь-де-ла-Пау – от причала в самом конце Рамблы – до общественных купален Барселонеты. На самом деле это были не простые прогулочные лодки, ведь их вместимость превышала сто пассажиров.

С конца девятнадцатого века «ласточки» радовали детей, родителей и бабушек с дедушками, которые поднимались на борт в ожидании исследования морской стороны Барселоны – города своенравного, но постоянно растущего.

Добравшись до небольшой кассы, расположенной прямо на Порталь-де-ла-Пау – напротив величественного памятника Колумбу, который многие сравнивали со статуей Свободы, – семья Рос терпеливо ждала в очереди, наблюдая за тем, как заполняются три прогулочных судна. Чтобы скрасить время ожидания, дон Рамон объяснил детям, как работает паровая машина и насколько важно то, что они создают на заводе. Именно там сталь и двигатели становились душой городского транспорта, который начинал появляться по всей Барселоне.

Поездка прошла чудесно, и все трое членов семьи почувствовали невероятную гордость от того, что живут в городе, полном возможностей для отдыха и развлечения.

---

⁸ «Ласточки», или Лас-Голондринас – небольшие лодочки/катера, на которых можно отправиться на прогулку вдоль побережья Барселоны.

Через полтора часа троица вернулась на причал и, окрыленная морским путешествием, отправилась в сторону Рамблы Каналетас, пройдя от начала до конца все участки главного бульвара Барселоны.

Как часто рассказывал им отец, Рамбла с незапамятных времен была излюбленным пространством всех жителей города. Это был светлый и просторный бульвар, и, в то время как большинство горожан ютились в кварталах старого города – где царили болезнь и нищета, – на Рамбле постоянно открывались новые отели, театры и кафе. По сути, это был идеальный маршрут для укрепления социальных связей. Именно по этой причине иностранцы без колебаний ступали на древнюю брусчатку улицы – они стремились познать суть мировоззрения барселонцев того времени.

Льюисету посчастливилось быть своим на этой романтической артерии города, быть частью самой пестрой человеческой вселенной. Принадлежность к этому району превращала его в истинного жителя города, о чем мечтал чуть ли не каждый из буржуа с туго набитыми кошельками и цилиндрами, купленными, чтобы покрасоваться.

Хотя все жители Барселоны знали, что Эшампле, спроектированный Сердой⁹, становится популярной альтернативой среди горожан, а будущая Виа Лаэтана задумывалась для усиления влияния наиболее состоятельного сословия, Рамбла продолжала сохранять свою самобытность. Этот протяженный бульвар, ведущий от моря в самое сердце метрополии, по-прежнему оставался главной артерией Барселоны.

В первые годы нового века Рамбла утвердилась в статусе королевы кафе, киосков с прохладительными напитками, цветами, птицами, газетами и книгами и бесчисленного множества других промыслов, связанных с уличной торговлей. В этом разнообразии и состояла притягательность бульвара.

Оставив Колумба позади, семья начала подниматься по участку, известному как Рамбла Святой Моники – это название имело особое значение, ведь каждый отрезок главного бульвара Барселоны отличался особым типом горожан, ритмом жизни и уникальными привычками.

И вот отец с детьми молчаливо прошли через зону Театральной площади, всего в нескольких метрах от общественных туалетов, где стояла толпа проституток, являвшихся секретом Полишинеля. Более обеспеченные люди старались не проходить по этому участку в определенные часы, но Льюисет, будучи не робкого десятка, не придавал особого значения теням этого места. Более того, он привык к женщинам легкого поведения, которые постоянно крутились у входа на улицу Эскудельерс. А еще общественные бани, куда, предположительно, приходили ради лечебных вод, придавали этому участку Рамблы типичный облик европейского квартала красных фонарей. В каждом великом мегаполисе было свое гетто, где можно было дать волю тайным порокам.

Льюисет заметил, как его отец ворчал себе под нос, столкнувшись с изрядным количеством моряков, которых крепкие напитки и поиск сомнительной компании доводили до отказа от всяких приличий. Будучи серьезным и сдержанным человеком, дон Рамон хоть и жил бок о бок со всей этой пестрой публикой, но проявлял определенную нетерпимость к распушенности и навязчивой жажде развлечений.

К счастью главы семейства, они вскоре дошли до места, где стояло несколько скромных деревянных лавочек, предлагавших подержанные книги. Эти незамысловатые прилавки тянулись вдоль всей Рамблы Святой Моники, и дон Рамон, вспомнив о своем знакомом сеньоре Медине, тут же решил подойти к одному из них, чтобы справиться о здоровье мужчины. Этот торговец был заядлым читателем Вольтера и через каждые два-три предложения обязательно

---

⁹ Ильдефонс Серда – каталонский архитектор и инженер XIX века. В 1850 году он разработал уникальный план для наилучшего расширения города, который базировался на двух принципах: создание сети прямых и широких проспектов и строительство восьмиугольных кварталов. В каждом квартале имелся центральный зеленый дворик, где могли отдыхать его жители.

наобум вставлял какой-нибудь афоризм великого француза. Слушать его было истинным удовольствием.

Продолжив свой путь к киоску «Каналетас», семья Рос Адель углубилась в отрезок бульвара, известный как Рамбла Капуцинов. Этот участок главной артерии Барселоны задавал ритм ночной жизни, наряду с зарождающимся кварталом Параллель, где открывались первые ночные увеселительные заведения.

Рамбла Капуцинов проходила через самую маргинальную часть города, хотя и делала это, демонстрируя явное классовое разделение, поскольку сама Рамбла жила за счет лучших кафе того времени, куда стекались буржуа, богема и разные шеголи. В кафе «Сентро», «Лисео» или кафе при отеле «Ориенте» ежедневно обсуждались вопросы политики, социального прогресса и градостроительства.

С другой стороны, словно непримечательные пешки на шахматной доске, где с минуты на минуту должна была начаться битва, Льюисет заметил многочисленные стулья, которые сдавались в аренду по обеим сторонам бульвара. Всего за десять сантимов дон Рамон решил устроить детям сюрприз и оплатил три места, с которых они могли спокойно наблюдать за общественной жизнью Барселоны. В каком-то смысле те, кто здесь прогуливался, привыкли и себя показывать, и наблюдать за другими.

Поскольку дело происходило в воскресенье, семья стала свидетелем буржуазной традиции совершать моцион по еще не благоустроенной территории, чтобы похвастаться костюмами и шляпами по последней парижской моде.

Когда на улице стало слишком многолюдно, дон Рамон, зная, что они пробудут в киоске довольно долго, предложил детям продолжить прогулку, привыкая к ритму толпы.

До их родного квартала было еще далеко, и они прошли по Рамбле Цветов, позволив себе опьянеть от ароматов и красок многочисленных прилавков, посвященных утонченному искусству флористики. На самом деле это было пространство, где красота сливалась с самыми сокровенными воспоминаниями, и не только из-за очарования цветочных композиций, но и благодаря присутствию продавщиц цветов, среди которых по традиции собирались самые красивые женщины во всем городе.

В окружении сирен почти мифической красоты возвышался старинный рынок Бокерия, не так давно переживший смертоносные удары бомб анархистов, и дворец Виррейна.

Агнес была одурманена буйством роз и гвоздик, а Льюисет, чье сердце было склонно к другим страстям, застыл в изумлении перед одним из типичных «птицеловов удачи», что бродили в округе. Ремеслом этого человека было предсказание судьбы, и, взобравшись на невысокий табурет, он кричал что есть мочи: «Кто желает узнать свое будущее?»

Самый юный член семьи Рос Льюисет не смог устоять перед разгадкой неизведанного и, умоляя отца почти до изнеможения, добился того, чтобы торговец предложил ему выбрать один из листочков, которые были спрятаны в открытой клетке, где безмятежно сидело несколько канареек. Под пристальным взглядом мальчика одна из птичек с алыми перьями и оранжевым клювом выбрала листок и протянула его своему хозяину. По-прежнему улыбаясь, птицелов передал бумажку дону Рамону, который, не теряя своей любезности, принялся читать предсказание, уготованное ему судьбой: «Будучи мечтателем, ты получишь все, чего пожелаешь, но лишь при условии, что не забудешь мечтать об этом каждый день».

Дон Рамон выдавил из себя улыбку, прочитав, как ему показалось, довольно безобидное послание, и расплатился с птицеловом, чувствуя, что потратил деньги с умом. До сих пор ни одному жителю Барселоны не доставалось дурного предзнаменования, что принесло повелителю птиц неоспоримую славу.

Около рынка Бокерия Льюисет увидел множество мальчиков своего возраста, с нетерпением ожидавших временного заработка. Обычно они находили подработку в дешевых тракти-

рах или гостиницах, где получали несколько жалких песет, чтобы хоть как-то прожить, пока не найдут сколько-нибудь оплачиваемую работу.

Этот участок Рамблы и правда был многолюдным. Самый младший из семьи Рос Адель даже увидел нечто вроде бюро по найму, где предлагались услуги девушек для работы по дому.

Из-за всего этого оживления главная улица Барселоны показалась Льюисету очаровательным подземным миром, способным приютить как лучших, так и худших его обитателей. Здесь можно было почувствовать себя частью чего-то большего, что было важнее отдельной личности.

И, воодушевленные от предвкушения отличного гранисадо или охлаждающей американской содовой, семья пересекла воображаемую границу, ведущую к Рамбле Учения – участку, где вспыхивало большинство социальных конфликтов начала XX века. В этой части города проходила основная уличная торговля.

На Рамбле Учения издалека съезжались торговцы и предлагали всевозможные товары: часы, простую обувь, одежду на любой кошелек, антиквариат и игрушки для послушных детей. Льюисет, например, влюбился в одну очень популярную в Барселоне XX века игрушечную птичку – свистульку в форме птички, которая, будучи наполненной водой, издавала характерный свист, если в нее дули.

Хотя главной достопримечательностью этого участка Рамблы был знаменитый универмаг «Эль Сигло» – величественное заведение, которое могло похвастаться скидками и новинками от лучших парижских модельеров. Это был храм, возведенный в честь самого радикального потребительства, и он недаром предлагал всевозможные услуги, включая знаменитую парикмахерскую для самых маленьких.

Но Льюиса на Рамбле привлекали не столько конкретные места, сколько атмосфера и люди, поэтому он был поражен растущим количеством детей, которые в свои юные годы уже усердно трудились. В толпе то и дело появлялись бесчисленные разносчики его возраста, занимавшиеся продажей газет, чисткой ботинок и даже уборкой улицы. Казалось, в «Огненной розе» зарабатывать на жизнь могли люди любого возраста.

На том же участке Рамблы возвышались легендарные газетные киоски, которые сохранялись в городе еще десятилетия после того, как все эти люди канут в Лету. Крошечные ларьки, впитавшие последние новости и фильтровавшие их через газеты и журналы, развешанные по всему периметру.

Именно на Рамбле Учения они столкнулись с Рикардито Моралесом, сыном одного из рабочих «Макинисты», находившегося в подчинении у дона Рамона. Несмотря на то что мальчишка был лишь на год старше Льюисета, он заупрямился и бросил учебу и вот уже несколько месяцев пробивал себе дорогу на легендарной улице Барселоны. Поскольку родители обоих мальчиков дружили, дети иногда встречались, чтобы поиграть, и отпрыск Моралесов даже заходил в гости к Росам, чтобы насладиться вкусным полдником, который донья Росита готовила с огромной любовью. Рикардо нашел работу разносчика газеты для «Диарио де Барселоны» и проводил на улице весь день, зарабатывая жалкие гроши. Его родители, выходцы из скромной семьи, сдались перед упрямством мальчика, который дулся на них до тех пор, пока они не смирились с тем, что их единственный сын хочет сам зарабатывать себе на жизнь с такого юного возраста.

Сына Моралесов знали в квартале как «сицилийца» из-за его типичной для юга Италии внешности. Среднего роста и худощавого телосложения, с темными волосами, полными, но резко очерченными губами и слегка раскосым взглядом, он мог запросто сойти за одного из тех ребяташек, которые носятся по улицам Нью-Йорка или Милана. Из-за носа, не вписывающегося в рамки узкого лица, он выглядел старше своих лет. Под кепкой мальчик прятал грустный и одинокий взгляд, излучающий потребность быть любимым и ценимым. Сын Мигеля Моралеса был просто еще одним выжившим в самом бедном квартале города.

Когда семья Рос Адель застала его врасплох, Рикардито как раз был занят тем, что докуривал дешевую сигарету. Смутившись от осуждающего взгляда дона Рамона, он сделал вид, что выбросил окурок, и прикинулся дурачком.

– Все никак не расстанешься с сигаретой, Рикардо? Мы разве не договорились, что ты бросишь? Я бы не хотел рассказывать об этом твоим родителям, у них и так забот хватает... Знаю, что вмешиваюсь, куда не следует, малыш, но это для твоего же блага, – сказал глава семьи Рос Адель с добрыми намерениями, но при этом в его голосе слышались поучительные нотки, характерные для того времени.

– Да, да, сеньор Рамон... Но вы же знаете, как это бывает – я по глупости пристрастился к дыму. Но клянусь вам, что сегодня же брошу, – приводил аргументы парень, пытаясь изобразить искреннее покаяние.

– То-то же... И не вздумай угощать сигаретой моего сына, а то нас ждет серьезный разговор... Договорились?

– Договорились, договорились...

Рикардито озорно улыбнулся, понимая, что отец его друга отчитывал его для видимости, просто чтобы сохранить строгость. Он хорошо знал этого мужчину и был уверен в его святости. С тех пор как семья Моралесов переехала из Мадрида в Барселону, он неустанно им помогал. Не только предоставил отцу работу, но и одолжил денег в трудную минуту, и заботился о благополучии каждого члена семьи. В этом растущем мегаполисе дон Рамон был белой вороной, и Рикардо гордился дружбой с его сыном. Эти отношения, казалось, немного приближали его к семье Рос.

– Дон Рамон, а Льюис сможет выйти попозже немного поиграть? Если я закончу пораньше, я бы за ним зашел.

– Лучше завтра, Рикардито, сегодня у нас есть дела. Ты не против, сынок? – спросил отец семейства, чтобы убедиться в том, что его отпрыск согласен с его предложением.

– Да, отец.

Мальчики улыбнулись, узнав, что получили одобрение уважаемого взрослого, и попрощались до следующего дня.

Прежде чем продолжить путь к Рамбле Каналетас, Льюисет на мгновение обернулся и увидел, как Рикардито разыгрывает целое представление, чтобы привлечь внимание прохожих и всучить им последние экземпляры «Диарио де Барселона». Только Льюис собирался догнать отца, как заметил, что его друг вновь закурил, погрузившись в торговлю. Если кто-то в городе и выделялся своим исключительным нахальством, то это, несомненно, был Рикардито Моралес.

* * *

И вот после неспешной прогулки по лучшим и худшим местам Барселоны они вступили на последний отрезок своего пути к киоску.

Рамбла Каналетас была самым знакомым местом для детей дона Рамона из-за близости к их дому, располагавшемуся на углу улиц Тальерс и Жовельянос. На этом участке всегда происходило что-то интересное, что привлекало их внимание, и, хотя они об этом не говорили вслух, дети чувствовали особую гордость от того, что родились у ворот величественной площади Каталонии.

У отеля «Гран Континенталь» на Рамбле глава семейства обратил внимание на уличную торговку, продававшую устрицы по восемьдесят сантимов за штуку. Для большинства горожан этот деликатес был непомерной роскошью, и лишь парни, работавшие в самых шикарных ресторанах каталонского мегаполиса, покупали здесь небольшие партии для своих хозяев.

«Когда-нибудь, дети мои, если вам доведется попробовать устрицу, знайте – вы благословлены богатством. Возможность отведать эти дары моря позволит вам понять, насколько хорошо вы живете», – сказал им отец.

Льюисет, обычно с большим интересом слушавший своего отца, на этот раз отвлекся на уличных музыкантов, развлекавших посетителей на террасе кафе. Музыка сама по себе была одним из самых ярких составляющих атмосферы Рамблы, обладавшей немалой социальной значимостью. Со всех концов города и его окрестностей музыканты приезжали сюда, чтобы заработать кругленькую сумму на чаевых от публики. Бесчисленные пианисты, игравшие в помещениях, услаждали слух тех, кто в это время неспешно беседовал за чашкой кофе.

Лишь жестокий анархистский террор, пробудивший самые глубинные страхи в добропорядочных жителях Барселоны, разрушал всякую надежду на будущее. Анархисты были единственными, кто исповедовал идею о том, что прямые действия являются безотказным способом покончить с неравенством в обществе, которое, впрочем, уже переставало их бояться.

Кафе на Рамбле были знаковыми заведениями, олицетворявшими социальное равновесие, хотя здесь можно было найти и небольшие ларьки, в которых кофе с молоком предлагали по более доступной цене. Скромный табурет и незатейливый самодельный столик, стоявшие прямо на улице, придавали этим будкам вид уличного салона, предназначенного исключительно для представителей рабочего класса.

4

Невыразимая радость захлестнула Атилио, когда он увидел, как семья Рос приближается к киоску «Каналетас». Эти визиты дарили управляющему заведением ощущение умиротворения, ведь он мог отблагодарить отца ребяташек. Он был в вечном долгу перед этим добрейшей души человеком, предоставившим ему заем без каких-либо промедлений или условий, когда он так в этом нуждался. Поэтому для Атилио дон Рамон был своего рода святым, который пока ходил по земле.

– Какая отрада для глаз! Да это же дон Рамон со своими птенцами! Добро пожаловать в самый удивительный киоск города! – объявил главный официант, чем мгновенно пробудил любопытство своего подмастерья Пьера, который бросил мимолетный взгляд на Агнес и тут же покраснел.

– Ребята сильно по тебе скучали, Атилио, и ныли с утра до ночи, так что мне пришлось привести их с собой, – добродушно произнес дон Рамон.

Управляющий с теплотой подмигнул ему. Не имея детей, он успел сильно привязаться к этой паре ангелочков.

– Вам как обычно?

– Хотите содовой? – спросил Рамон своих детей, и те хором ответили утвердительно.

– Пьер, принеси мне большую тарелку картофеля фри для семьи Рос. Так их содовая будет еще вкуснее.

– Атилио, да ты настоящий искуситель! Видно, что за барной стойкой ты в своей стихии! – заметил Рамон с улыбкой на лице.

– Я уже много лет обслуживаю людей, дон Рамон. Не стану лукавить. Это и есть моя жизнь...

Атилио и Пьер неспешно подготовили закуски, воспользовавшись тем, что других клиентов в киоске не было, а дон Рамон, чтобы скоротать время, играл с Льюисетом. Как только им подали напитки и еду, мужчины решили скрасить трапезу беседой о том, что происходит в городе. Но прежде Атилио обратился к двум юным посетителям.

– Хотите увидеть будущее? Вы же знаете, что этот киоск похож на одну из дикувинок в романах Жюль Верна?

Льюис был поражен словами официанта, тогда как его сестра была уверена, что это всего лишь очередная детская сказка. Но для малыша эти слова породили параллельные реальности, а сам киоск тут же стал удивительным аппаратом для покорения космоса или путешествия к самому центру Земли.

– Да-а-а! – закричал взволнованно Льюисет.

– Что ж, тогда обойдите киоск, Пьер откроет вам дверь и проведет *tournée*¹⁰ по заведению.

Дети дона Рамона зашли в киоск с заднего входа, выходящего на боковую сторону Рамблы, и улыбочивый Пьер показал им кофеварку, сифон для содовой и новомодные аппараты для приготовления картофеля фри. Льюисету киоск показался настоящей подводной лодкой, футуристической машиной, которая бесповоротно покорила его сердце.

Дон Атилио, внимательно следивший за реакцией Агнес и Льюисета, вмешался, чтобы скрасить их короткую экскурсию:

– Ну, ребята, что скажете? Чудесное место, не правда ли?

– Это и правда особенное место, дон Атилио, – смущенно признала Агнес: она чувствовала спиной пристальный взгляд Пьера. Этот юноша заставлял ее сердце биться так сильно, что

---

¹⁰ Экскурсия (фр.)

она едва могла дышать, когда он находился рядом. Перед ней была ее первая большая любовь, хотя она этого еще не осознавала.

– Однажды он станет моим! – воскликнул Льюисет, к удивлению всех присутствующих. Было очевидно, что ребенок всем сердцем полюбил этот киоск. У Атилио под прилавком даже хранилась коробочка с безделушками и рисунком, который Льюис подарил ему несколько недель назад.

– Ну надо же, у нас тут собственник объявился! – раздался вдруг чей-то голос.

Все присутствующие обернулись и увидели статного мужчину в сопровождении очаровательной девочки возраста Льюисета. Это был Исаак Понс, буржуа, владевший текстильной фабрикой, расположенной в Поблену – районе, который несколько лет назад окрестили каталонским Манчестером. Сеньор Понс был видным мужчиной: на голове у него красовалась шляпа-котелок, а сам он был облачен в безупречный костюм в тон. Несмотря на внешний вид, он не напоминал напыщенных богачей, которые с важным видом подходили к киоску по пути в банки, располагавшиеся в округе.

По языку тела этого мужчины было понятно, что богатство не определяло его манер, а за изысканными тканями скрывался доброжелательный человек, стремившийся быть частью чего-то большего.

У Исаака были гармоничные и утонченные черты лица, придающие ему неоспоримую привлекательность, а глаза янтарного оттенка дополняли его почти идеальную внешность. Порой, когда солнечные лучи пронзали облака, его глаза словно по волшебству светлели. Благодаря своей дружелюбной, теплой и очаровательной улыбке он походил на голливудского красавца, который только начал восхождение к славе.

Что до Лауры Понс, дочери любезного посетителя, то она не просто унаследовала красоту своего отца, но буквально ослепляла ею благодаря пухлым губам и миндалевидным глазам, встречающимся среди жителей итальянских регионов. Ее оливковая кожа, отличавшаяся по тону от кожи ее отца, придавала ей сходство с ангелом, сошедшим с небес.

Лаурита являла собой совершенный сплав разных культур и в столь юном возрасте уже была окутана ореолом таинственности. В своем чудесном, но скромном белом вязаном платье она показалась Льюисету прекрасной феей из ирландских лесов, затерявшейся в большом городе. Собранные волосы подчеркивали ее мягкие черты лица, на котором при определенном освещении читалась скандинавская элегантность. Создатель столь удивительной прически, разумеется, был мастером своего дела.

И Льюис, никогда прежде не обращавший внимания на девочек, тут же захотел взять Лауриту за руку и взглядом пригласить ее на долгую прогулку по тому бульвару, которому он отдал свое сердце.

Атилио на мгновение опешил от вмешательства незнакомца, но быстро пришел в себя, понимая, что тот никоим образом не проявил бестактности или неуважения к дону Рамону. Поэтому он как ни в чем не бывало принялся обслуживать нового посетителя. Он был управляющим этого заведения, и никто не смел грубить другим клиентам, даже обладатели толстого кошелька. Для таких случаев и существовало право отказать в обслуживании.

– Чего изволите, господин...

– Я наслышан о вашем кофе, поэтому хотел бы попробовать кортадо¹¹. А моя дочь, полагаю, спросит совета у будущего владельца киоска. Уверен, он сумеет ей что-нибудь предложить. Вы не против, сеньор владелец? – спросил Исаак Понс, проявив доброжелательность и такт.

Льюис почувствовал, как залился румянцем; то же самое происходило с его сестрой в присутствии Пьера. Румянец был вызван отнюдь не шуткой нового посетителя, а одним лишь

---

¹¹ Кортадо – испанский кофейный напиток, где эспрессо и горячее молоко смешиваются в пропорции 1:1.

присутствием девочки. Неужели он попал в сети того, что все называют любовью? Каким бы ни был ответ, он не мог отвести от Лауры взгляда.

– Что ж... Я предложил бы ей клубничный гранисадо, дон Атилио.

Управляющий с достоинством кивнул и принялся обслуживать новых клиентов, а Агнес и Льюисет вышли из-за барной стойки киоска, чтобы вернуться к отцу.

Кофеварка в киоске громко зашипела, выпуская пар, и оповестила всю Рамблу о готовности свежего кофе. Исаак Понс, замороженный увиденным, захотел узнать как можно больше об этом почти футуристическом аппарате.

– Простите... не хочу лезть не в свое дело, но вы не подскажите, где бы я мог приобрести это чудо?

– Боюсь, для этого, сеньор, вам придется ехать в Италию. Владелец киоска приобрел ее в шикарном «Чинзано» в Турине. Это новейшая модель кофеварки, передовая техника! Попробуйте кофе, попробуйте... оцените его вкус.

Исаак Понс отведал горячий напиток и разинул рот от удивления. Без сомнения, это был лучший кофе в его жизни. Текстура, вкус, объем маленькой чашки... Подлинная гармония всех чувств.

– Скажу лишь, что вы обрели верного клиента на многие годы. Кофе – моя слабость, и, положив руку на сердце, могу сказать, что это лучший из всех, что мне доводилось пробовать... Какой же вы умелец, сеньор!

Атилио поблагодарил мужчину за комплимент, однако его выражение лица тут же изменилось.

– Господа, готовьтесь, ведь спокойствию пришел конец, – пробормотал управляющий, обращаясь к отцам семейств. – Через пять минут тут такое начнется... Предупрежден – значит, вооружен. Потом не говорите, что я молчал.

– Вы о чем? – невинно поинтересовался буржуа, незнакомый с местными обычаями и своеобразным чувством юмора.

– Ну, звук кофеварки разнесся по всей Рамбле. Теперь жители района знают, что кофе готов, а это значит, что киоск вот-вот заполонят люди. Так происходит всегда. И я не солгу, если скажу, что за день мы можем приготовить тысячу чашек кофе...

Как и предсказал управляющий, вскоре в маленьком уличном заведении яблоку было негде упасть из-за толпы, пристрастившейся к горькому напитку цвета ночи.

Несмотря на толпу, дон Рамон решил уделить время своим детям, а Исаак Понс попытался сделать то же самое, правда, ему это давалось нелегко. Было заметно, что они с дочерью не так близки, как семья Рос Адель.

Когда киоск вновь опустел и воцарилась тишина, буржуа попытался растопить лед. Было ясно, что он жаждал побеседовать с кем-то равным себе.

– Прошу прощения за беспокойство, сеньор. Не подумайте, что ранее я пытался докучать вашему сыну. Это была всего лишь добрая шутка, не более.

Дон Рамон охотно принял объяснение. Он вовсе не был обижен.

– Не беспокойтесь. Мой сын твердо намерен стать владельцем этого заведения. С тех пор, как он побывал здесь впервые, ни его мать, ни я не можем его переубедить.

Буржуа улыбнулся, прекрасно понимая порыв ребенка. Он и сам в детстве отличался подобным характером.

– Разрешите представиться как подобает. Меня зовут Исаак Понс, а эта сеньорита – моя дочь Лаура, ей десять лет.

Услышав возраст девочки, Льюисет не сдержался:

– Мне тоже десять... Совсем недавно исполнилось.

– Ну что ж, тогда я уверен, что вы прекрасно поладите. Лаура в городе совсем недавно. Вы можете немного поиграть, пока взрослые говорят о своих скучных делах. Что скажете?

Дети кивнули, и, пока за ними присматривала Агнес, мужчины завели дружескую беседу.

– Простите, что не сразу представился. Меня зовут Рамон Рос, и, как вы уже догадались, я отец этих двух детей. Хотя Агнес, конечно, уже давно не ребенок, – сказал дон Рамон, подмигивая своей дочери.

– И чем вы занимаетесь, сеньор Рос?

– Я бригадир на заводе «Макиниста Террестре и Маритима».

– В таком случае вы, должно быть, знакомы с железом и паровозами. Должен сказать, я всегда считал эти творения довольно удивительными.

– О, поверьте, так оно и есть... Это целый мир, сеньор Понс... А вы? Чем вы занимаетесь, если это не слишком бестактный вопрос?

– Ну что вы, какая бестактность! Спрашивайте о чем угодно, не стесняйтесь. Если в общих чертах, я занимаюсь тем, что руковожу командой.

– Что вы имеете в виду?

– Мой отец, да покоится он с миром, оставил мне небольшую текстильную фабрику в Побленоу. Поскольку я единственный сын, мне пришлось взять на себя ответственность за семейное наследство. Это управленческая работа и, по правде говоря, порой она ужасно утомляет...

– Что ж, я был бы не прочь подменять вас время от времени, – произнес Рамон Рос, чем вызвал дружелюбный смех у своего собеседника.

Не успел он взять слово, как в толпу пробрался маленький воришка лет двенадцати и, воспользовавшись невнимательностью буржуа, выхватил у него бумажник и бросился бежать.

Исаак Понс не успел среагировать на молниеносную ловкость воришки, но дон Рамон, привыкший к подобным ситуациям, тут же вмешался.

– Эй! Негодник! Ты что творишь? – крикнул он под пристальными взглядами других посетителей, детей, Атилио и Пьера.

Воришка проигнорировал угрозу и продолжил удирать, пока не услышал кодовые слова, которые изменили всё.

– Если сейчас же не вернешься, я поговорю с Эмилиано! Слышишь?

Паршивец остановился как вкопанный. Имя Эмилиано наводило ужас на всех детей, которые на него работали. Он был сутенером, эксплуатировавшим целую армию ребятишек, промышлявших воровством кошельков, карманных часов и прочих украшений. Любопытно, что в начале своего пути этот тип занимал деньги у дон Рамона якобы на благое дело. Брат Эмилиано, известный как Архангел, выросший вместе со своим братом-сутенером в нескольких городских приютах, слег с сильной лихорадкой, которая едва не свела его в могилу. Лечение было им не по карману, поэтому преступник обратился к дону Рамону, единственному порядочному ростовщику в округе. Были и другие, кто занимался тем же, но это были отъявленные мошенники, и связываться с ними значило бы многим поступиться. А Эмилиано не хотел терять свое положение, какой бы срочной ни была семейная ситуация. Так что после того случая Рамон Рос стал для его людей неприкасаемым.

Услышав имя мерзавца, державшего его в ежовых рукавицах, воришка на пару секунд задумался и, приняв мудрое на тот момент решение, подошел к отцу Льюиса, чтобы вернуть кошелек, украденный у буржуа. Увидев, что мальчишка опустил голову, дон Рамон понял, что тот раскаивается. Наказание, которое его ожидало, узнай Эмилиано о произошедшем, Рамон не пожелал бы и самому злейшему врагу.

– Не волнуйся, мальчик... Эмилиано ни о чем не узнает, но дважды я повторять не стану. Передай всем, что в киоске «Каналетас» работать нельзя. Ты меня понял? Это хорошие люди, и они не заслуживают остаться без гроша. Договорились?

– Да, сеньор, – промолвил парнишка, не поднимая головы.

– Тогда иди, и чтобы я тебя здесь больше не видел...

Воришка исчез, словно молния, под пристальными взглядами посетителей, которые сразу вернулись к своим делам. Никто и слова не промолвил, потому что большинство из присутствующих прекрасно знали, кто такой сеньор Рос.

– Держите, добрый человек. Вам следует быть осторожнее: здесь полно ребятишек, которые могут обобрать вас до нитки. Но не держите на них зла. Они просто выполняют приказы, они всего лишь жертвы своего положения.

– Вы даже представить не можете, как я вам благодарен, сеньор Рос! Потеря тех документов, которые я ношу с собой, стала бы для меня ужасной неприятностью. Позвольте отблагодарить вас, оплатив ваш заказ. Это меньшее, что я могу сделать в знак благодарности.

Услышав эти слова, Атилио тут же вмешался:

– Даже не вздумайте доставать кошелек! Я сам несу ответственность за заказы семьи Рос. Не трогайте моих подопечных!

Буржуа недовольно кивнул.

– Тогда прошу еще раз принять мою благодарность. Уверен, мы с вами еще увидимся. Пить ваш кофе – истинное удовольствие, и теперь, когда я знаю, какие опасности меня подстерегают, мои прогулки по этому району станут более безмятежными. Еще раз спасибо, что вернули мой кошелек.

– Не переживайте, сеньор Понс. Это пустяки, – заключил дон Рамон, прежде чем позвать детей и объявить, что долгая дневная прогулка подошла к концу. – Что ж, Атилио, как всегда, было приятно увидеться. А вам, сеньор, всего наилучшего и до встречи, – сказал Рамон, протягивая руку на прощание.

– И вам того же, сеньор Рос.

Попрощавшись со всеми, Льюисет, Агнес и их отец направились обратно на улицу Тальерс, которая находилась совсем недалеко от киоска. Пройдя несколько метров, движимый внутренним чутьем, наследник семьи Рос Адель обернулся, чтобы еще раз взглянуть на Лауру.

По счастливой случайности девочка уже смотрела на него и без колебаний улыбнулась ему. Льюисету эта невинная улыбка показалась блаженством, и он тут же понял, что его судьба predetermined.

Теперь он не только знал, что однажды киоск станет его собственностью, но и пообещал себе, что эта девочка будет его женой. Да, возможно, подобные мысли казались поспешными, но от всех остальных Льюисета отличало одно – он всегда добивался желаемого.

* * *

Пока солнце еще не начало клониться к закату, а вечерние лучи не утратили своей теплоты, Рикардито постучал в дверь дома семьи Рос Адель, намереваясь провести время с его самым маленьким обитателем. Следуя устоявшейся традиции, юный Моралес время от времени заходил за Льюисетом, и они вместе убегали на крышу или бродили по улочкам недалеко от Рамблы.

По правде говоря, младший Рос испытывал определенное восхищение по отношению к Рикардито, возможно, потому что тот с ранних лет начал работать, продавая газеты на главной улице Барселоны. Его отец, однако, был против их частых встреч, опасаясь, что его отпрыск забросит учебу: сын одного из его самых ценных сотрудников был не лучшим примером для подражания. Несмотря на свои опасения, дон Рамон разрешал эти встречи из преданности и уважения к своему работнику, а также потому, что у мальчика, в конце концов, было большое и доброе сердце. На заводе все были друг для друга семьей, и работники с теплотой относились к родным своих товарищей.

– Проходи, сынок, Льюисет как раз заканчивает собирать вещи. Думаю, он хочет показать тебе свои рисунки. Ты ведь знаешь, как высоко он ценит твое мнение, поэтому не расстраивай

его, я вижу, как сильно ему нравится рисовать. Пусть лучше он занимается этим, чем бесцельно бродит по улицам нашего квартала, – сказала донья Росита, надеясь заручиться поддержкой гостя.

– Он хорошо рисует, сеньора Адель. Я ему всегда так и говорю...

Мать Льюисета улыбнулась доброте мальчика, но, прежде чем она успела продолжить свои ненавязчивые наставления, ее сын вышел из комнатки, которую делил с Агнес, готовый отправиться на прогулку с разносчиком газет.

– Я всё. Пошли? – сказал самый младший из семьи Рос, а его мать не упустила возможности узнать, куда они собирались. В силу возраста Льюисету было запрещено бродить по улицам допоздна.

– И куда это вы собираетесь, можно узнать?

– На крышу. Не беспокойтесь, далеко мы не уйдем, – ответил Рикардито, намереваясь окончательно завоевать расположение матери своего товарища.

– Что ж, тогда возьмите тосты, которые я вам сделала, и несколько кусочков шоколада. Как говорят, «хлеб с хлебом – еда для дураков».

Дети прыснули со смеху над шуткой главы семьи, выбежали из квартиры и прыжками взбежали по старинной лестнице, ведущей на крышу здания. Льюисет порывлся в щели последней ступеньки и достал наполовину проржавевший ключ, который открывал дверь наружу.

И без лишних промедлений дети принялись прыгать как сумасшедшие по своему небесному царству. Там, среди развешанного белья, голубятен, построенных в узких уголках, и соседей, наслаждающихся свежим воздухом, открывался вид на совершенно другую Барселону. Существовала империя улиц, но также и океан крыш, пространство, доступное лишь самым смелым и тем, кто хотел вдохнуть влажный воздух, который морской бриз посылал из порта в самое сердце города.

– Давай, погнали до Рамблы! С крыши последнего дома на улице открывается потрясающий вид, – сказал Рикардито, устремляясь к бульвару, который он так любил.

Мальчишки, проворные и весьма безрассудные, перепрыгивали с крыши на крышу по хорошо известным им мостикам. Правда, последний отрезок действительно был немного опасным, но юный разносчик газет был тертым калачом и знал, где спрятана достаточно прочная доска, которая может послужить им мостиком. Несмотря на риск сорваться вниз, открывающийся вид с крыши стоил того, а проход по этому последнему участку напоминал пребывание на пиратском корабле и прогулку по доске за секунду до того, как тебя сбрасывали на съедение акулам.

Минув препятствие, они добрались до оконного проема последнего здания улицы и, пытаясь не упустить красоту вечернего света, уселись на крутых ступеньках, чтобы разделить полдник. Откусывая шоколад и наслаждаясь хорошей компанией, они радовались моменту, который уже не повторится. Они прекрасно знали, что в жизни ничто не происходит дважды, поэтому каждый миг был уникальным и неповторимым.

Съев полдник, Рикардито вытащил из кармана своего детского, сто раз заштопанного пиджака потрепанный конверт. Не торопясь, он открыл его, чтобы показать другу пачку открыток и газетных вырезок с уличными фотографиями Рамблы.

– Хочешь увидеть кое-что самое прекрасное на свете? – спросил мальчик, желая поделиться своим маленьким секретом.

– Конечно, показывай, – выпалил Льюисет, хватая открытки и вырезки, которые передал ему друг, сперва показав их ему. – Откуда у тебя столько фотографий?

– Когда я вырасту, я стану как Брангули¹², Мас¹³ или Наполеоны¹⁴.

---

¹² Жозеп Брангули – известный каталонский фотокорреспондент конца XIX – первой половины XX в.

¹³ Адольф Мас – каталонский фотограф конца XIX – первой половины XX в.

– Наполеоны с Рамблы? Фотографы?

– Ага...

Льюис фыркнул, услышав о мечте своего друга. Быть фотографом в то время, когда лишь немногие владели искусством, останавливающим время, казалось уделом избранных.

– Ты ведь хочешь рисовать, да? – спросил Рикардито, понимая, что эти два вида искусства не так уж далеки друг от друга.

– Конечно! Хочешь посмотреть мои новые рисунки? – спросил Льюисет, воспользовавшись тем, что его друг поднял эту тему.

Юный Моралес воодушевленно закивал. Немного робея, юный Рос показал ему несколько набросков из блокнота, в котором любил рисовать. Рикардито внимательно их рассмотрел.

– Ну ты даешь! Ты с каждым днем рисуешь все лучше и лучше! Уверен, ты добьешься успехов, больших успехов.

Льюисет остался доволен комментарием друга; он очень ценил его мнение. Рикардито зарабатывал на жизнь, продавая плохо напечатанные газеты, и часто видел в них множество иллюстраций и фотографий, а значит, обладал чутьем и мог определить, чего стоит та или иная вещь.

– Знаешь, Льюисет, мы не такие уж и разные... Рисование и фотография немного похожи, так что, возможно, однажды мы оба добьемся успеха.

– Твои слова да Богу в уши! Этого мне бы хотелось больше всего на свете.

Рикардито кивнул, а потом достал из кармана пиджака почти пустую пачку сигарет и закурил. Сделав несколько глубоких затяжек, он выпустил дым, подражая одним из самых длинных заводских труб района.

– Хочешь? Или все еще не решаешься? – спросил юноша, чтобы подразнить своего младшего друга. В глубине души он восхищался тем, что Льюисет оставался тверд и не поддавался пороку, от которого все равно не было никакой пользы.

– Лучше не стоит. Тебе больше достанется...

Рикардито улыбнулся, довольный ответом друга, и снова стал разглядывать открытки и фотографии, словно они были бесценным сокровищем.

– Когда-нибудь и я сфотографирую эти улицы... Никто лучше нас не сможет показать миру то место, где мы провели детство.

Льюисет тут же присоединился к обещанию, которое только что озвучил его друг:

– Тогда я обещаю их нарисовать...

Они взглянули друг на друга, а потом прыснули со смеху от соглашения, которое заключили. Возможно, их мечтам не суждено было сбыться, но никто не смог бы отнять у них те моменты единения, когда они верили, что в мире возможно все и ничто не сможет их остановить. Окутанный сумерками бульвар Рамбла был идеальным местом для того, чтобы поверить в чудеса.

Пусть эти ребята и находились в менее выгодном положении по сравнению с отпрысками самых состоятельных жителей города, но они обладали кое-чем гораздо более ценным – способностью рискнуть всем ради простого исполнения желаний.

---

¹⁴ «Братья Наполеоны» – название фотоателье, основанного в 1851 году супружеской парой – Анаис Наполеон и Антонио Фернандесом Сориано.

5

1909 год

После той первой встречи, когда дон Рамон совершил чудо, не позволив Исааку Понсу остаться с пустыми карманами, отцы семейств стали часто встречаться в киоске на Рамбле.

Всегда учтивый Атилио, стремящийся к тому, чтобы его благодетель чувствовал себя как дома, пускал в ход свое обаяние, чтобы сдружить мужчин, пока они пили кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.